

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА.

(ИЗСЛѢДОВАНИЕ).

Федоръ Гершельманъ.

Генеральнаго штаба подковникъ, начальникъ Оренбургскаго
казачьяго юнкерскаго училища.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая ул., № 36.

1885.

Слѣдующимъ условіемъ успѣха развитія партизанскихъ дѣйствій, относящимся тоже къ составу кавалеріи, будетъ богатство кавалеріи энергическими начальниками, которые станутъ во главѣ партизанскихъ отрядовъ. Понятно, что энергичные начальники составятъ одно изъ условій успѣха, которое внесетъ не малое вліяніе на развитіе партизанской войны.

б) *Начальники партизанскихъ партій.* Выборъ начальника партизанскаго отряда есть дѣло не легкое. Не легкое оно потому, что далеко не всякій можетъ быть начальникомъ партизанской партіи даже мелкой. Онъ долженъ прежде всего отвѣчать требованіямъ самаго сильного характера, желѣзной воли. Конечно, сильный характеръ, который выражается въ духѣ предпріимчивости отчаянной храбрости, способности бросаться очертя голову на самыя, по видимому, невозможныя цѣли, способности быстро рѣшаться въ непоколебимости, никогда не допускающей

отчаянія, есть общее условіе, опредѣляющее собою нравственный складъ всякаго кавалерійскаго начальника и офицера, но разница въ томъ, что въ партизанскомъ дѣлѣ указанныя качества, общія всякому кавалерійскому офицеру и начальнику, должны быть отгѣнены еще большимъ порывомъ, должны быть еще отчетливѣе, сильнѣе въ партизанѣ. Оно и понятно, если принять во вниманіе, что руководящимъ условіемъ успѣха въ партизанскомъ дѣлѣ будетъ, прежде всего, нравственное впечатлѣніе на противника, которое въ сущности только и даетъ успѣхъ въ руки въ большинствѣ случаевъ слабѣйшаго по численности сравнительно съ противникомъ партизанскаго отряда, и способствующая этому нравственному впечатлѣнію быстрота и рѣшительность всѣхъ предпріятій. «Нѣтъ излишней отважности—говоритъ Давыдовъ—для человѣка, который обрекъ себя на опасную службу партизана; онъ часто долженъ отказаться отъ надежды вкусить по совершеніи подвига плоды героическаго вдохновенія; не ожидая рукоплесканій, похвалъ и наградъ, онъ долженъ смѣло двигаться для нанесенія чувствительныхъ ударовъ непріятелю; ему нерѣдко приходится погибнуть съ пользою, хотя бы позорною смертію».

Но одного сильнаго характера еще не достаточно. Нужно, чтобы у человѣка сердце лежало къ этому дѣлу; нужно, чтобы указанныя качества имѣли бы нѣсколько особую окраску, которую можетъ дать имъ только любовь именно къ этому ремеслу, доходящая до страсти, способность увлекаться и вдохновляться имъ; партизанъ, какъ художникъ, долженъ любить свое дѣло ради его самого, такъ какъ партизанское поприще, по словамъ Давыдова, «исполненное поэзіи, требуетъ игриваго и пламеннаго воображенія, врожденной страсти къ смѣлымъ предпріятіямъ и не довольствуется лишь однимъ хладнокровнымъ мужествомъ».

«Пусть неустрашимый начальникъ,—говоритъ дальше Давыдовъ,—трепещущій при мысли объ отвѣтственности, остается всегда подъ наблюденіемъ у своихъ начальниковъ; нѣмой исполнитель полезенъ въ рядахъ арміи буйнаго и яраго своевольца, который отъ избытка предпріимчивости увлекается за предѣлы своихъ обязанностей; за то этотъ послѣдній полезенъ перваго въ дѣлѣ, требующемъ часто безропотнаго и полнаго принесенія въ жертву своей репутаціи и всей будущности. Но одна предпріимчивость недостаточна: прозорливость, строгость, безкорыстіе, несуетливость, гибкій умъ и настойчивость въ достиженіи цѣли—вотъ необходимыя стихіи партизана, который, кромѣ того, долженъ умѣть сочетать въ себѣ неустрашимость, бодрость юноши съ опытностью старца. Время, развивая въ насъ послѣднее, лишаетъ насъ той тѣлесной подвижности и дѣятельности, которыя необходимы партизану;

безъ нихъ всѣ природныя дарованія и пріобрѣтенныя качества суть лишь мертвый капиталъ».

Вотъ какъ обрисовываетъ Давыдовъ характеръ начальника партизанскаго отряда. Ясно, что всѣ приведенныя качества рѣдко могутъ встрѣтиться въ человѣкѣ въ томъ развитіи, какъ того требуетъ партизанское дѣло отъ начальника партіи. Но, однако, сильнаго характера со всѣми перечисленными свойствами нравственнаго склада вообще еще недостаточно. Та самостоятельность положенія, въ которое могутъ быть поставлены даже незначительныя партизанскія партіи, и то условіе, что, при отсутствіи всякой помощи, каждый промахъ партизана можетъ быть для него гибельнымъ, начальникъ партизанскаго отряда долженъ обладать способностью быстро и вѣрно судить объ окружающей обстановкѣ, т. е. вѣрно соразмѣрить свои силы съ непріятельскими, какъ въ смыслѣ численной силы, такъ и въ смыслѣ быстрой оцѣнки нравственнаго настроенія своей команды и атакуемыхъ войскъ противника; уметь оцѣнить условія мѣстности и сообразить съ ними свой способъ дѣйствій; наконецъ, долженъ уметь быстро комбинировать всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства для достиженія извѣстной цѣли и уметь быстро рѣшаться. Эти послѣднія условія требуютъ, чтобы начальникъ, при всей яркой запальчивости партизана, умѣлъ владѣть собою и обладать хладнокровіемъ, отъ котораго зависитъ вѣрность взгляда и благодаря которому подчиненные смотрятъ на дѣло глазами начальника.

Всѣ эти условія требуютъ для начальника партизанскаго отряда врожденнаго таланта и достаточной практики въ военномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи Давыдовъ полагаетъ, что двѣ кампаніи, одна проведенная въ аванпостахъ, другая подъ начальствомъ искуснаго партизана, достаточны для образованія начальника партіи, если природа одарила его вышеозначенными качествами.

Наконецъ, необходимость согласованія партизанскихъ дѣйствій съ главными операціями арміи заставляетъ признать необходимость для начальника партіи и довольно широкой теоретической подготовки къ военному дѣлу. «Желательно, — говоритъ Давыдовъ, — чтобы начальникъ партіи не былъ чуждъ и правилъ стратегіи, дабы, умѣя предузнавать взаимныя движенія воюющихъ силъ, онъ могъ бы приноравливать къ нимъ движенія своей партіи». При всемъ томъ начальникъ партіи долженъ пользоваться полнымъ довѣріемъ и преданностью подчиненныхъ; довѣріе должно доходить до такой степени, чтобы солдаты были проникнуты убѣжденіемъ въ цѣлесообразности всѣхъ его требованій и дѣйствій и въ томъ, что врагъ трепещетъ передъ нимъ.

Наконецъ, начальникъ партіи по самому характеру службы долженъ быть крѣпкаго здоровья, неутомимъ, отречься отъ покоя и удобствъ.

Вотъ тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять начальникъ партизанской партіи. Если обратиться къ исторіи, то она укажетъ, что люди, составившіе себѣ громкую извѣстность на поприщѣ партизанской войны, дѣйствительно отвѣчали всѣмъ приведеннымъ условіямъ: выделялись, прежде всего, своимъ необыкновеннымъ характеромъ, способнымъ подвинуть человѣка на какое угодно предпріятіе, и въ болышинствѣ случаевъ основательнымъ знакомствомъ съ военнымъ дѣломъ, сложившимся путемъ практики, а у нѣкоторыхъ основаннымъ, сверхъ того, и на теоретической подготовкѣ. Блестящимъ представителемъ этихъ героевъ является скромный самъ по себѣ, какъ человѣкъ, Денисъ Давыдовъ. Въ немъ съ молодости военное ремесло сдѣлалось какою-то страстью, которая заглушила всѣ остальные до конца его жизни. Онъ самъ говоритъ, что «при первомъ крикѣ о войнѣ онъ торчалъ на аванпостахъ, какъ казачья пика».

Онъ любилъ войну и увлекался ею, какъ только можетъ увлекаться человѣкъ, сохранившій, какъ онъ, до самой кончины какую-то юношескую поэзію.

«Кочевье на селомѣ, подъ крышею неба! всеневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи своей пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ!.. но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами и грудь, полная надежды, трепетала честолюбіемъ изыщнымъ и поэтическимъ?»

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ Давыдовъ сказывается весь, какъ нельзя лучше.

Такимъ же представляется въ смыслѣ страсти къ военному дѣлу Фигнеръ, для котораго опасность была родною стихіею, который презиралъ опасность. Онъ только сравнительно съ Давыдовымъ при всей страсти къ войнѣ, къ сожалѣнію, не проявлялъ въ дѣлѣ ея того гуманнаго чувства, которымъ отличался Давыдовъ; напротивъ того, неумолимо-безпощадный, Фигнеръ вмѣстѣ со страстью вносилъ въ дѣло еще чувство злости и жестокосердія, доходившихъ до безчеловѣчности, выразившейся, напримѣръ, въ избіеніи плѣнныхъ ⁽¹⁾. Впрочемъ, по свидѣ-

(1) Въ этомъ отношеніи какъ Давыдовъ, такъ и Фигнеръ хорошо обрисовываются въ слѣдующихъ строкахъ, въ которыхъ Давыдовъ, въ дневникѣ своемъ за 1812 годъ, описываетъ его встрѣчу съ Фигнеромъ передъ совокупнымъ нападеніемъ на Ляхово. «Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не

тельству нѣкоторыхъ (Левенштернъ въ своихъ «Изъ записокъ Лифляндца», А. В. Фигнеръ въ статьѣ «Партизанъ Фигнеръ», «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1884 г.). Фигнеръ не щадилъ жизни плѣнныхъ не столько подъ вліяніемъ внушеній злобнаго сердца, а по ожесточенному чувству къ врагу отечества, и притомъ приносилъ въ жертву своей ненависти однихъ французовъ, минуя нѣмцевъ, италіанцевъ и другихъ чужеземцевъ, насильно приведенныхъ Наполеономъ». А. П. Ермоловъ объяснялъ причины жестокости Фигнера какою-то душевною болѣзью, а также слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда массы плѣнныхъ отдавались въ руки побѣдителей, то Фигнеръ, затрудняясь ихъ многочисленностью, однажды, рапортомъ къ Ермолову, спрашивалъ: какъ съ ними поступать, ибо содержать ихъ не было средствъ и возможности. Ермоловъ отвѣчалъ лаконически запискою: «вступившимъ съ оружіемъ на русскую землю—смерть». На это Фигнеръ обратно послалъ рапортъ такого же лаконическаго содержанія: «Отъ нынѣ, ваше превосходительство, не буду больше беспокоить плѣнными». («Партизанъ Фигнеръ», «Историческій Вѣстникъ»). Наконецъ, самъ Фигнеръ высказалъ Левенштерну, что причину его жестокости составляетъ обѣтъ мщенія, данный имъ, когда онъ въ одномъ мѣстечкѣ, въ 1812 году, нашелъ церковь, отвратительно оскверненную французами (см. примѣчаніе выше). Фигнеръ былъ религіозенъ до фанатизма.

Въ характерѣ же Фигнера не было звѣрства, «напротивъ того, въ натурѣ его было много рыцарскаго великодушія и благородства». Фельд-

могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши видимо стали измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священной радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбою дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ казакомъ, еще, по его мнѣнію, *некампавленнымъ*. Не могу выразить того, что я почувствовалъ при этихъ словахъ; красныя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предприимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ—все эти качества необыкновеннаго воина, я съ сожалѣніемъ сказалъ ему: «не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героямъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ чего они мертвый капиталъ; я, какъ русскій, желаю бы, чтобы у насъ было побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ». На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Развѣ ты не разстрѣливаешь?»—«Да», сказалъ я, «разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ грабитель храма Божія». — «Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?» сказалъ онъ. Я отвѣчалъ: «Никогда; вѣли хотъ тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ». — «Ну, такъ походишь выѣсть», сказалъ онъ, «и ты вѣрно бросишь эти предразсудки». — «Если солдатская честь и состраданія къ несчастію суть предразсудки», сказалъ я, «то и умру съ ними». Мы замолчали. Опасаясь, однако, чтобы онъ не велѣлъ тайно

маршалъ Кутузовъ въ письмѣ къ своей супругѣ выразился о Фигнерѣ: «посылаю тебѣ письмо съ Фигнеромъ, взгляни на него, — я въ жизни не видѣлъ человѣка болѣе высокой души». («Партизанъ Фигнеръ», «Историческій Вѣстникъ»).

Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ изъ глубокаго уваженія къ заслугамъ Фигнера и желая сколько можно оправдать тяжелое обвиненіе въ жестокости, которое лежитъ на памяти Фигнера.

За всѣмъ тѣмъ Фигнеръ былъ офицеръ «съ большими достоинствами, превосходный и рѣдкій по неустрашимости воинъ», какъ о немъ говоритъ Левенштернъ; человѣкъ съ превосходными военными дарованіями, отважный, предприимчивый, дѣятельный, какъ о немъ отзывается Давыдовъ; «жизда чего то необыкновеннаго была какъ бы главнымъ двигателемъ всѣхъ его дѣйствій», говоритъ племянникъ его въ статьѣ «Партизанъ Фигнеръ». Личная храбрость къ предпріятіямъ, сопряженнымъ съ опасностью, не имѣла повидимому въ немъ никакихъ предѣловъ и доходила до того, что Фигнеръ не любилъ дѣлать опасность съ другими. Это видно изъ того напр., что когда партизаны наши до-

ночью похитить плѣнныхъ, я, подъ предлогомъ отдачи приказанія, вышелъ изъ избы и секретно приказалъ удвоить стражу, поручивъ надзоръ за ними уряднику, а послѣ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру».

Во время совѣстныхъ партизанскихъ дѣйствій Левенштерна съ Фигнеромъ въ 1813 году, въ то время, когда союзная армія отступила къ Швейдницу, пмъ случилось захватить въ плѣнъ на Маломъ Бобрѣ двѣ французскія роты. Левенштернъ, шедшій въ головѣ колонны, отправилъ плѣнныхъ въ хвостъ колонны Фигнера. По прибытіи на ночлегъ въ Нейдорфъ, Левенштернъ приказалъ-было накормить плѣнныхъ, но «каково было мое изумленіе и мой ужасъ, говорятъ Левенштернъ, когда я узналъ, что ни одного плѣннаго нѣтъ въ живыхъ, что Фигнеръ истребилъ ихъ всѣхъ въ хвостѣ колонны далеко отъ меня. Выѣ себя отъ гнѣва, я обсыпалъ Фигнера упреками, но онъ отвѣчалъ мнѣ хладнокровно и сухо: «Таковъ мой обычай! Я поступаю по совѣсти и исполняю священный обѣтъ, данный мною въ 1812 году, когда я засталъ толпу французскихъ нечестивцевъ въ церкви, гдѣ они насиловали женщинъ и дѣвицъ. Мой образъ дѣйствій извѣстенъ въ арміи, и я не измѣню его ради нашего страннаго негодованія». (Изъ «Записокъ Липляндца»).

Тотъ же Левенштернъ въ своихъ запискахъ передаетъ слѣдующій рассказъ: Однажды Фигнеръ, приведя плѣннаго офицера, производилъ ему допросъ въ присутствіи Левенштерна и подполковника Рейтерна, и когда французъ неохотно давалъ требуемыя показанія, Фигнеръ, не сказавъ ни слова, спустилъ курокъ своего духового ружья, бывшаго всегда при немъ и пощипавшагося въ большой палецъ, и французъ повалился на глазахъ присутствующихъ. Когда Левенштернъ съ Рейтерномъ въ бѣшенствѣ накинулись на Фигнера, тотъ хладнокровно оттолкнулъ ихъ и, въ оправданіе себя, сказалъ между прочимъ: «... да и въ чемъ я провинился? Убилъ собаку, которая не хотѣла лаять, чтобы тѣмъ въриѣ укусить». Таковъ былъ Фигнеръ, но надо сказать, все-таки, что, не смотря на суровость, иногда доходившую до жестокости, заслуга его, какъ знаменитаго партизана русской арміи, незабвенна, и имя Фигнера всегда будетъ занимать почетное мѣсто на страницахъ исторіи войнъ, веденныхъ противъ Наполеона.

говаривались о совместномъ нападеніи на корпусъ Ожеро въ Ляховѣ, то, по словамъ Давыдова, «Сеславинъ согласился отъ всего сердца Фигнеръ же противъ воли, ибо любилъ одинъ подвергаться опасностямъ».

Такіе факты, какъ измѣреніе, крѣпостнаго рва для штыка Рушукъ въ 1810 году, исполненное съ дерзостью, изумившею самихъ турокъ; не разъ повторявшееся присутствіе Фигнера въ Москвѣ, занятой французами, причемъ онъ, вооруживъ нѣсколько жителей, дѣлалъ засады, въ улицахъ истреблялъ ночью французовъ, а днемъ, переодѣвшись во фракъ, спокойно гулялъ по Москвѣ, вмѣшивался въ толпы французовъ и вывѣдывалъ, что было нужно; неоднократное появленіе Фигнера на бивакахъ и на аванпостахъ французовъ съ цѣлью развѣдать, причемъ, Фигнеръ переодѣвался то купцомъ, то бродягой, то наконецъ французскимъ офицеромъ ⁽¹⁾ повѣряющимъ напр. посты, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о характерѣ этого человека. При такихъ свойствахъ характера, какъ партизанъ, Фигнеръ оказалъ незабвенныя услуги. Болѣе или менѣе такими же по характеру являются и другіе доблестные вожди партизанскихъ партій: Сеславинъ, четыре раза раненый на своемъ боевомъ поприщѣ, гр. Чернышевъ, гр. Платовъ, кн. Кудашевъ, Морганъ, Форестъ, Стюартъ и прочіе начальники партизановъ американскихъ армій, о чемъ громко заявляютъ ихъ славныя подвиги.

Проверимъ теперь на фактахъ второе положеніе о необходимости боеваго опыта. Оказывается, что Давыдовъ, Сеславинъ, Чернышевъ, Фигнеръ и прочіе начальники партизанскихъ отрядовъ, до кампаніи 1812 года, имѣли за собою опытъ не менѣе двухъ кампаній. Давыдовъ участвовалъ въ кампаніи 1807 года, финляндской и турецкой. Сеславинъ въ кампаніи 1805 года 1807 и въ турецкой. Чернышевъ въ 1805, 1807 и 1809 годовъ (австро-французской) ⁽²⁾. Наконецъ Фигнеръ принималъ участіе въ турецкой войнѣ. Партизаны американской арміи вырабатывали въ себѣ боевой опытъ въ постоянной борьбѣ съ индѣйскими племенами. Обратимся къ фактамъ болѣе отдаленнымъ, и они укажутъ намъ, что доблестные начальники партизанскихъ отрядовъ австрійской арміи въ періодъ Силезскихъ и Семилѣтней войнъ внесли въ дѣло тоже опытъ прежнихъ войнъ; такъ, Надашди участвовалъ въ походахъ 1734—1739 годовъ въ Италіи, Венгріи и на Рейнѣ. Гадикъ до Семилѣтней войны—въ походахъ принца Евгенія Савойскаго 1734—1735 на Рейнѣ, въ 1738—1739—противъ турокъ и въ 1740—1848—въ войнѣ за

⁽¹⁾ Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, особенно французскаго и италянскаго, являлось ему въ этихъ случаяхъ на помощь.

⁽²⁾ Онь состоялъ во время этой кампаніи при императорѣ Наполеонѣ.

наслѣдство австрійскаго престола и въ этой послѣдней онъ уже успѣлъ пріобрѣсти извѣстность особыми отличіями, при осадѣ Брюсселя, пробившись съ небольшимъ отрядомъ сквозь французскія линіи, а въ 1748 напавъ на большой транспортъ, слѣдовавшій въ Бергенъ-онъ-Зоомъ, причемъ, разсѣявъ прикрытіе, овладѣлъ транспортомъ. Лаудонъ (') (бывшій впослѣдствіи однимъ изъ любимыхъ героевъ Суворова) до Семилѣтней войны участвовалъ въ 1733 году въ походѣ въ Польшу, въ 1734 въ корпусѣ Ласси въ Германіи, въ походахъ Миниха 1836—1839 противъ турокъ; съ переходомъ же на австрійскую службу онъ продолжалъ боевую дѣятельность въ превосходныхъ легкихъ войскахъ подъ начальствомъ знаменитаго партизана Тренка, съ которыми и раздѣлилъ славу въ войнѣ за наслѣдство австрійскаго престола. Итакъ, стало быть, исторія вполне подтверждаетъ выше приведенное положеніе.

Наконецъ, что касается научной теоретической подготовки къ военному дѣлу, то и она не была чуждою для большинства партизанскихъ начальниковъ, прославившихъ свои имена на этомъ поприщѣ; порукою тому служить теоретическая подготовка хотя бы Давыдова. Послѣ всего сказаннаго ясно, что далеко не всякій даже хорошій кавалерійскій офицеръ можетъ быть начальникомъ партизанскаго отряда, нуженъ выборъ между ними. Всѣ же поставленные выше требованія начальнику партизанскаго отряда на столько серьезны и обширны, что, какъ видно, выборъ его будетъ дѣломъ не легкимъ. Да иначе онъ и быть не можетъ. Конечно офицеръ, вполне отвѣчающій всѣмъ этимъ требованіямъ какъ по характеру, такъ по боевому опыту и теоретической подготовкѣ, былъ бы въ данномъ случаѣ идеаломъ, и дѣло выбора начальника, въ практическомъ приложеніи его, сводится къ тому лишь, чтобы возможно ближе подойти къ этому идеалу. Затѣмъ понятно, что степень требовательности можетъ также мѣняться, въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ зависимости отъ величины отряда, къ командованію которымъ онъ предназначенъ.

Все сказанное заставляетъ во всякомъ случаѣ признать, что нельзя легко относиться къ выбору начальника, особливо значительнаго партизанскаго отряда. Нельзя назначать начальникомъ генерала или полковника только потому, что онъ въ чинѣ нѣсколькими днями старше другихъ, по способностямъ же и по таланту не соответствуетъ назначенію. Партизанское дѣло есть дѣло преимущественно характера, а стало быть въ немъ менѣе чѣмъ гдѣ либо можно руководствоваться старшин-

(') Начавшій службу въ русской арміи, а потомъ уже перешедшій въ австрійскую.

ствомъ при выборѣ начальника, и ввѣрять дѣло всякому подъ руку попавшемуся начальнику кавалерійской части, хотя бы даже съ боевымъ опытомъ. Иной сотникъ будетъ въ этомъ дѣлѣ полезнѣе генерала, если онъ подходитъ къ своему назначенію характеромъ и способностью увлекаться этимъ дѣломъ.

Остается сказать лишь, что при оцѣнкѣ характера нужно быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи легко обмануться; зачастую люди, безконечно храбрые на словахъ и въ мирное время, на дѣлѣ являются далеко не тѣми. Представителемъ такого типа людей между начальниками партизанскихъ отрядовъ былъ нашъ партизанъ Ирендель. По свидѣтельству товарищей и современниковъ, Ирендель гнался за вѣщимъ эффектомъ, старался внушить страхъ къ себѣ своею наружностью: его взоры метали молнію; его длинные усы, дребезгъ оружія и громкія угрозы могли поразить ужасомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ «сердце у него было мягкое, и храбростью онъ не отличался»; въ продолженіе всего своего боевого поприща, онъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, «нѣтъ ни одного дѣйствительно военнаго подвига, который бы совершилъ онъ подъ выстрѣлами». Вся партизанская дѣятельность его ограничивалась захватомъ въ плѣнъ отдѣльно бродившихъ людей и отсталыхъ и составленіемъ изъ нихъ показаній весьма замысловатыхъ и дутыхъ донесеній.

«Захвативъ пару отсталыхъ, онъ писалъ о подобныхъ дѣлахъ безконечныя донесенія» (1).

Такіе люди не только бесполезны, но опасны и вредны для дѣла.

Важность и трудность выбора начальниковъ партизанскихъ партій и отрядовъ приводитъ къ необходимости намѣтить ихъ еще въ мирное время изъ числа выдающихся кавалерійскихъ начальниковъ и офицеровъ на основаніи указаній прошлыхъ кампаній и имѣть ихъ уже подготовленными къ предстоящей дѣятельности въ мирное время. Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Понятно само собою, что тѣми же, болѣе или менѣе, качествами должны отличаться по возможности и всѣ вообще офицеры, а въ особенности старшіе, входящіе въ составъ партизанскихъ отрядовъ, такъ какъ имъ зачастую доведется быть вполне самостоятельными въ своей дѣятельности, хотя въ меньшей сферѣ. Въ нихъ приведенныя качества можно допустить лишь въ меньшемъ развитіи.

(1) Изъ «Записокъ лизлянца Левенштерна», составлено Смытомъ.